

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАЯК“ В НАШИ ДНИ

„МЕТАМОРФОЗЫ" КЛИМАТА

Лето вышло сухое и жаркое. Лафетчики и комбайнеры без помех справлялись с выкашиванием хлеба на свал и обмолотом его с подбора.

«А кукурузке бы дождь не помешал, враз бы повзрослела, набралась сил», - жалели механизаторы. Привядшие ее листья, некрупные приземистые стебли говорили о нехватке влаги.

Сентябрь не принес дождей. Лишь кое-где скупно погромыхали грозы. Механизаторы тревожились все более. Подошло время сева озимой пшеницы, а пашня суха. Стерня же с трудом поддавалась тракторному плугу.

Климат, нагляднее всего выражающий себя в погоде, и на этот раз не благоприятствовал механизаторам. Надеяться не на кого, кроме как на себя, на свои силы. А силы механизаторов в технике. И громыхают, гудом гудят дизельные тракторы в любой час суток — в полдень и в полночь. Бурая пыль тяжело клубится из-под гусеничных трак, из-под сошников сеялок, из-под длинного сцепа борон.

Надеяться не на кого — климат нынче не союзник. А надо вовремя отсеяться, вовремя вспахать почву под зябь. И не оседает бурая пыль за тракторами. Гудом гудит степь.

Климат, как и земля, неотъемлемо входит в сельскохозяйственное производство, это — одно из важнейших его слагаемых. Климат, сезоны года накладывают свою печать на сельскохозяйственное производство, определяют его сезонность. На падающий

снег, на снежную крупу, схожую с «манкой», не говоря уже о дожде — грозном или обложном, — колхозники смотрят как на влагу. Много ли ее, мало ли в почве, — вот что их заботит. Зимой они оценивают опять-таки со стороны накопления снега как влаги. Многоснежная зима веселит колхозников.

Осень не радовала осадками. Озимые кустились нехотя. Суходолы, вершины полей выглядели лысо. Вертлявые вихри гоняли по ним столбы пыли вперемежку с соломой, всяким Полевым мусором. Насупив брови, молча глядели на них трактористы. Вихри, да еще в осеннюю поздень, — недобрая примета.

И декабрь не принес снегу. Темнели поля, лишь кое-где по лесополосам белели надувы. Среди зимы, в конце января, вместо белой метели целые сутки бушевала черная пыльная буря. День помрачнел, все застлала непроглядная мгла.

Припомнив январскую черную бурю, качает седой головой Иван Павлович Гнездилов:

— Запомнился мне и сам день. Перед этим колхоз отметил мое шестидесятилетие, а на следующий день, 29 января, разразилась стихия.

Мне понятны переживания старого агронома, его боль и ненависть к бессмысленным разрушительным силам природы. Нет еще на них управы.

Лишь февраль, правда скуповато, присыпал поля снежной крупой, подбавил снежку, дал печатные пороши. На такой пороше не только заячьи петли, но и тонкий узор жавороночьих ног виден.

Этому снежку еще бы полежать, с ним надежней озимым, больше шансов на

то, что не вымерзнут. Но пригрело, забираясь все выше, солнце. Зачернели дороги. Зачернела зябь. Появились проталины на озимых полях. Закурилась, оттаивая, земля. «Парует» - по-колхозному.

И опять сыпанула снежная крупа, подскакивая на дорогах, прибеливая зябь. Не один еще раз порошило, прибавляло снегу. А в канун женского праздника — 8 марта — свирепый циклон, проложив себе путь в атмосфере от самого Карского моря, принес сильный мороз. Не стало слышно и вороньего карка, к скотным дворам, к фермам сбились пичуги.

Хорошо, что ненадолго завернули к нам карские холода!

День-два, и словно кто подломил мороз, опрокинул его навзничь на обе лопатки: куда его лютая сила делась? Только жестче, неподатливей стал снег. Опять по полям, по дорогам кочуют большие стаи щебетунов-жаворонков. Вот-вот, взлетев в поднебесье, начнут они лить свои нескончаемые трели. Мало дня, прихватят и лунную полночь. Ничто не сможет угомонить маленького певуна.

Март. Месяц удвоенного светового дня. В декабре света хватало всего на семь часов подряд, а в марте его хватит на тринадцать. Перевес на стороне дня, ночь же пятится, отступает пятиминутными шажками. Календарь отмечает это на своих листках.

..Март, как строгий, неподкупный ревизор, пройдет по полям, проверит, как перезимовали озимые.

— Оживают,— из всех новостей — самую важную передает бригадир Иван Федорович Клешня. Он успел уже снять черный с густым воротником полушубок. Поверх заветного кителя защитного цвета с медными пуговицами, с подшитым белым подворотничком, на бригадире кожанка. Черные брюки со вздутыми галифе суживаются к коленкам и заправлены в узкие голенища сапог. Но с головы не сходит шапка, из-под нее проглядывает зачес еще черного чуба. Во всей невысокой фигуре бригадира, в манере держаться, в том, как схиlena слегка шапка, дает о себе знать военная косточка, армейская ухватка. Другие колхозники его бригады, кому сейчас за сорок, за пятьдесят, также былина

фронте, были в армии, но не сохранилась у них армейская выправка, а, видать, у бригадира она осталась навсегда. Кадровый служака, сержант по званию, один из тех отделенных командиров, на ком держится воинское подразделение.

— Оживают,— это верно, — торопливо повторил Клешня и, наклоняясь, показывая всей своей ладной фигурой, как он разглядел оживающие озими, увлеченно поведал о том, как из-под побуревших и желтых отмерших листьев начинают пробиваться зеленые ростки.

— Узел кущения не вымерз,— досказывает бригадир,— потому и начинают расти. Правда, не всюду, а по низинке, по балочке.

— То-то же, шо не всюду,— отозвалось несколько голосов. Один из собеседников покачал головой, другие понимающе переглянулись.

Те же разговоры в кабинете председателя колхоза «Коммунистический маяк» Андрея Васильевича Чухно. А знакомый уже нам Иван Павлович Гнездилов, главный агроном, взял не один монолит (квадрат земли с корневищами) с полей озимой пшеницы и ячменя, провел контрольные опыты на их отращивание. Больше восьми тысяч гектаров озимых в колхозе, почти целиком пшеница. Это — кладовая хлеба. Понятен огромный интерес колхозников к тому, как перезимуют посевы, чем им можно будет помочь в марте, в апреле.

«Метаморфозы» погоды не прошли бесследно, от них в первую голову пострадал озимый ячмень. Менее зимостойкий, он вымерз. Главный агроном наметил поля, бывшие под озимым ячменем, под пересев. Горох, просо, кукуруза займут место ячменя.

— Семена в амбаре, под рукой,— не ожидая моего вопроса, говорит Иван Павлович.— За это мы не беспокоимся. Земля у нас пустовать не будет, нет!

По-стариковски щуря глаза, он сдержанно

НАГЛЯДНАЯ РАСШИФРОВКА СЛОВА

Слово «интенсификация» — не русское, трудное для произношения.

Поэтому не услышишь его в обычной колхозной речи. «Нияк не приловчишься, шо ты будешь дилать!»

Не раз доводилось мне слышать сетования, выслушивать суждения о замене этого слова другим, русским, на котором не будешь языка ломать. Но, минуя филологические проблемы, колхозники глубоко, по-настоящему разобрались в сущности нового для них трудного слова, дали ему полную расшифровку.

Здесь, в «Коммунистическом маяке», знают истинную цену земле как производительной силе. Знают, что может дать любое из полей севооборота. Какие из них дадут больше зерна, а какие отвести под овощи с поливом из местных источников, какие под виноградники, сады. И при всех обстоятельствах свято чтить первую заповедь хлебороба — дать хлеб стране. Да не вообще дать хлеб, вырастить сколько-нибудь, а дать этого хлеба пшеничного как можно больше и как можно дешевле.

Здесь знают истинную цену дождю, его и сто в урожае. Но не сводят это к утверждению, выраженному в зубоскальской частушке: «Был бы дождик, был бы гром, на что нужен агроном!» Дождь дождем, без него, без влаги не обойтись. Но на дождь надейся, а сам не плошай. На одни милости природы не рассчитывай — обернется это бедой.

Поэтому в колхозе не скупятся на технику, всегда рады прикупить новые, более мощные тракторы. В свое время, когда ликвидировались машинно-тракторные станции, «Коммунистический маяк» закупил сполна парк машин Орловской МТС. Теперь же этот парк, прежде всего тракторов и комбайнов, удвоился, еще больше возросла энерговооруженность хозяйства.

При мне в кабинете предколхоза произошел характерный разговор о лошади. Андрей Васильевич Чухно, этот крестьянин по своей родословной и всей своей сути, как говорится, ребром поставил вопрос о бесхозяйственности с лошадьми. Эту бесхозяйственность он увидел — и правильно увидел! — в излишнем количестве лошадей. Содержание их не оправдывает себя. Те еще подсобные виды

работ, на которых применяется тягло, с каждым годом сокращаются. Мотор вытесняет лошадь. Лишние, незагруженные работой лошади становятся обузой для хозяйства. Чухно применил более резкое слово: дармоедами. «Мы, руководители и специалисты, виноваты в этом», — заявил он.

Как же далеко ушел «Коммунистический маяк» со своей машинной техникой от того единоличного крестьянского хозяйства, где лошадь являла собой основной источник энергии! Там, у единоличника, она была основой хозяйства и основой благосостояния крестьянской семьи, а здесь, в колхозе, она уступила свое место машине. Лишняя лошадь стала дармоедом.

Здесь, в колхозе, хорошо знают истинную цену агротехнике озимых пшениц, всех остальных сельскохозяйственных культур, подбора их лучших сортов, системе удобрений — минеральных и органических. Навсегда канули те времена, когда навоз предназначался единственно для топлива в виде сухого кизяка. Превосходное органическое удобрение уходило в тепло и дым.

Между прочим, скажем: в колхозе самыми распространенными видами топлива становятся каменный уголь, дрова, природный сжатый газ в баллонах.

«Коммунистический маяк» одним из первых начал засеять поля лукьяновской безостой пшеницей. Даже в трудные годы со всякими климатическими «метаморфозами» этот богатырский сорт дает больше зерна, чем другие сорта. Последний раз, в 1963-м, безостая дала с каждого гектара почти по двадцать два центнера! В среднем с многих тысяч гектаров. В степи с самым скудным пайком воды: триста-четырееста миллиметров в год.

Пшеничные реки лились с полей на аполлонский элеватор. Колхозные и государственные автомашины в июле вывезли сто тысяч пудов безостой, затем двести... триста... четырееста... пятьсот... шестьсот тысяч пудов. А зерно все лилось и лилось от комбайнов на тока, червонело холмами. В какой раз механические погрузчики заливали до краев кузова

автомашин с наращенными бортами в какой раз они отправлялись в скоростные рейсы ял элеватор!

Вот колхоз сполна рассчитался с государством: засыпал шестьсот двенадцать тысяч пудов зерна. А поля не иссякали, с прежней силой билась в кузова хлебная волна. И тяжело оседая на скаты, везли и везли дорогой груз машины на знакомый ориентир элеваторных башен. Эти башни-хранилища приняли еще двести тридцать восемь тысяч пудов зерна. Сверхплановые, подарочные пуды! Под миллион пудов возрос хлебный вклад «Коммунистического маяка»! В трудный для страны год.

Вот она наглядная расшифровка слова «интенсификация»! Это — сплав разумного и расчетливого хозяйствования с наиболее полной механизацией и химизацией сельскохозяйственного производства. Это, если хотите коротко: предельное использование хозяйства.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

О новой, более высокой ступени колхозного производства, о возросшем уровне экономического кругозора, своего рода экономического возмужания его кадров говорили самые неожиданные факты.

Мне представлялось, что спор о нормах высева кориандра имеет чисто агрономический характер. Иван Павлович Гнездилов не видел упущения в той норме семян, что была применена на севокориандра в прошлом году. «Хватало вполне», — уверял он председателя. Но Чухно не соглашался: «Мало... Мало, Иван Павлович! Надо бы не восемнадцать килограммов сеять на гектар, а до двадцати пяти. Это я примерно». «Да зачем же? — упорствовал главный агроном. — Лишний расход семян». «Не лишний! Был на кориандре летом? Был. Редкий? Редкий. Сколько прогалял, сколько пустых, лысых мест. А прибавь семян, дай побольше — будет гуще. Так, Иван Павлович? Так! Ты не спорь».

И чем больше рассуждал председатель, тем обоснованное оказывалось его мнение об увеличении нормы высева ценной культуры. Собрали

кориандра чуть побольше восьми центнеров с гектара. А эту среднюю цифру можно было, во всяком случае, довести до десяти-одиннадцати центнеров. «Можно? — обращаясь снова к Гнездилову, добивался прямого ответа председатель. — Ты не отмалчивайся, говори - честно. Так, правильно: можно!».

53

На тех значительных площадях, что отводятся под кориандр, это привело бы к заметному росту денежных поступлений в колхозную кассу. Ведь заготовительная цена за центнер семян кориандра превышает сорок рублей!

«Упустили мы с тобой, Иван Павлович, эти денежки? Упустили, — сожалеет Чухно, — Колхозники с нас за это спросят».

Подсолнечник — не новинка, но в колхозе упорно обновляют его сорта, заменяют все более масличными. Отличные сорта селекции Пустовойта — ими восторгаются и американские фермеры — нынешней весной заменены более превосходящим их новым сортом его же селекции — «передовик». Лучше приспособленный к местным почвенно-климатическим условиям, он и урожайнее, и дает рекордный выход растительного жира.

Под эту культуру щедро отвели без малого полторы тысячи гектаров. Кроме солидного денежного дохода подсолнечник дает еще жмых. «Корова поест и губы оближет, — смеется Чухно. — А в цебарке молока прибавится».

Шутка шуткой, а под нею трезвый расчет, точное экономическое обоснование: белковый корм — источник высоких удоев и повышенной жирности молока.

Это же экономическое обоснование положено в изменение сроков сева подсолнечника. Здесь не в почете ранние и сверхранние сроки сева, приходящие на март и даже февраль. На собственном горьком опыте в колхозе убедились, что посеянный в такое раннее время подсолнечник резко снижал урожайность, она едва достигала пяти-шести центнеров семян с гектара. Перенос сроков сева на вторую половину апреля целиком себя

оправдал невиданным возрастанием урожая.

«Космический» взлет в колхозе совершил — кто бы вы думали? — горох. Поля не знали эту культуру. Если кто и сеял, то на своем дворе для забавы детям, десяток кустов.

Когда, два года назад, занялись горохом, то смотрели на него с предубеждением, считали — попробуем, да и откажемся, наши степные земли не для него. Вот так же было с хлопком, сеяли же его по сухополью, сколько труда вкладывали, а что собирали? Затрат не оправдывали. Да разве с одним хлопком это было!

Горох — не хлопок. Но и с ним одна морока выйдет, досадовали многие. Не представляли себе, кроме ручной, иного способа уборки. Но, как говорится, не так страшен черт, как его малюют. Горох и на степной земле, на сухополье чувствовал себя как дома: пышно кустился, обильно цвел и дал крупные стручки. Сметливые механизаторы помогли колхозу обойтись без ручного труда, аккуратно его скосили и сгребли, а намолот дал семнадцать центнеров с гектара. Начало неплохое. Мнение о горохе изменилось, скептики приумолкли. И тут в полную силу показал себя экономический фактор, благотворное воздействие государственной политики цен. За центнер гороха уплачивалось двадцать рублей!

Если в первый год посеяли гороха полтора гектара, гектаров, то на второй — четыреста. Урожай также поднялся до двадцати центнеров. Каждый гектар дал четыреста рублей дохода! Это в восемь раз больше, чем на суходоле давал гектар кукурузы. По доходности горох обогнал и безостую пшеницу. И весной, третьей по счету, его посеяли на тысячегектарном поле.

Это ли не «космический» взлет новичка!

— Выгодна колхозу еще клещевина, — делится своими соображениями Чухно. — Очень выгодна! Да вот беда, не взлюбили ее колхозники. Почему? В этом надо разобраться. Сеем мы клещевину кукурузными сеялками, семена при этом часто раздавливаются, масло течет. Придет время уборки — пускаем

обычные комбайны, снова имеем большие потери. Вот и получаем один-полтора центнера клещевины. Это с гектара! Мало, совсем мало. Больше теряем да губим клещевину. Нужны специальные машины для нее. А обижаться на закупочные цены не приходится, за центнер клещевины платят сто рублей.

Экономический подход, желание как можно больше получить от земли продукции видны в уплотненных посевах, в том, как здесь все шире применяется снятие повторного урожая силосных культур. Испытываются и вводятся в севооборот не только сахарное, но и зерновое сорго, фабричная сахарная свекла. В прошлом году, перевыполнив план, сдали на завод более шести тысяч центнеров сладкого корня.

Экономическая пропаганда и экономическое образование колхозных кадров приносят свои богатые плоды.

ПРИМЕТЫ ХИМИЗАЦИИ— НОВОЕ В КОЛХОЗЕ

Мне часто приходится бывать в «Коммунистическом маяке», подолгу жить здесь. И всякий раз замечать перемены, какие-либо изменения в производстве, в быту и культуре, даже в ландшафте знакомых степей. Появится пруд, и ведется его зарыбление. К старому парку, заведенному еще помещиком, прибавятся гектары молодого, буйно растущего. Поперек суховейных набегов поднимутся зеленые полезащитные лесные полосы. А то отстроятся и быстро обживутся то тут, то там фермы с кормокухнями, доильными, откормочными цехами и площадками. Видеть «вторую жатву» — массовую уборку кукурузы, тяжелое утюжение гусеничными тракторами зеленых стеблей с початками в огромных ямах. Узнавать, что силоса производится все больше по сравнению с остальными кормами, что сено нынче не из естественных, дикорастущих злако-бобовых, а из укусов сеяных, культурных трав — суданки, эспарцета, магара, люцерны.

Да можно ли перечислить всякие нововведения, отмечавшие собою, как вехами, многолетний путь развития коллективного хозяйства! Не раз, не два

видел я и зеленоокрашенные самолеты, низко пролетающие над посевами и виноградниками, озимыми и яровыми всходами. Но весной, в свой очередной мартовский приезд в «Коммунистический маяк», услышал от одного, услышал от другого про авиаторов. Они первые помощники хлеборобов.

В четвертой бригаде за короткое время построен склад для хранения минеральных удобрений, рассчитанный на триста тонн.

В пятой бригаде такая же картина. Здесь надежно укроются семьсот тонн минеральных удобрений. Установлены емкости для ядохимикатов.

Прошли те времена, когда удобрения в заводской бумажной таре или прямо насыпом мокли в ненастье, спекались солнцем, затаптывались в землю. Вот они перед моими глазами новые приметы химизации сельскохозяйственного производства, могучего движения химии в колхозы! Эти приметы во все более щедром внесении минеральных удобрений под зерно. Только осенью в преддверье подкормлено около семи тысяч гектаров озимой пшеницы. Весной для этой же цели внесено в мерзло-талую почву полторы тысячи тонн удобрений. Подчеркиваю: минеральных, химических! К ним добавляются органические - двадцать девять тысяч тонн. Начали их вывозить на поля и огороды в осеннюю стынь, вывозили по прихваченным морозом дорогам и в ростепель. Непросто передвинуть горы перепревшего навоза на поля. Опять выручили механизаторы, способные найти выход из любого положения колхозные трактористы, эти находчивые и неутомимые люди.

И еще радостная примета — с новой силой забила творческая энергия механизаторов. Это они спаренными тремя сеялками, приспособив их к высеву удобрений, успевали подкормить за короткий осенний день по сто-сто двадцать гектаров пшеничных всходов. Шестью такими агрегатами было подкормлено около четырех тысяч гектаров. Подкормили бы еще больше, но помешала непогода. Сухопутные механизаторы, и при этих обстоятельствах опередили воздушных,

крылатых: летчики обработали три тысячи гектаров посевов.

Своего рода инженерно-техническим штабом колхозных изобретателей и рационализаторов стал коллектив, возглавляемый инженером-электриком Яковом Григорьевичем Мартинсом. Удивителен талант этого человека, не знающего покоя, всегда направленный на разрешение новых, возникающих в колхозе производственно-технических проблем. Понадобится особый очерк, чтобы описать все технические новшества, введенные в обиход Яковом Григорьевичем. И все они создаются из подручных средств и наличных механизмов при минимальных затратах.

По чертежам Мартинса сделан оригинальный погрузчик-разбрасыватель минеральных удобрений, способный за восьмичасовую смену обработать двести гектаров. Такой высокой выработке может позавидовать и опытный летчик сельскохозяйственной авиации. А Мартинс продолжает совершенствовать свой погрузчик-разбрасыватель, добивается удвоения его производительности. Им же созданы мельница-размельчитель минеральных удобрений, механический погрузчик удобрений на самолет.

И что еще создаст изобретательный этот человек и его товарищи — трудно предсказать.

Великая цель — сполна удовлетворить все нужды, все потребности страны в хлебе, в зерне, в продуктах животноводства — рождает великую трудовую энергию.

